

По дороге взгляд Бай Цяньюя то и дело тянулся к Цинь Бугую.

В этом человеке будто бы была особая притягательность, куда большая, чем обычная юношеская уверенность. Его взгляд всегда оставался спокойным, словно ничто в мире не могло его тронуть. Он был благороден, холоден, и каждое его слово невольно заставляло прислушиваться.

Казалось, он всё знает наперёд и понимает с полуслова. Действовал он неторопливо, без суеты, неспешно. За его изящными движениями было приятно наблюдать — они приносили внутреннее удовлетворение.

Почему раньше он не замечал рядом такого человека? Бай Цяньюй горько сожалел об этом.

Студент, у которого ни в какую не разжигался костёр, наконец обратился к Цинь Бугую за советом. Тот сказал:

— Видишь эти сосновые шишки?

Парень поднял с земли одну:

— Эти?

— Сосновые шишки — отличное природное топливо. Даже новичок сможет поджечь их одной спичкой.

Тут же обрадованный студент принялся собирать шишки, опасаясь, как бы их не перехватили другие. Это подстегнуло и остальных — они, словно золотоискатели, уткнулись взглядами в землю, торопливо собирая добычу. Толкались, смеялись — веселились от души.

У Льва и его троих друзей лица были мрачнее тучи. Им не хотелось подчиняться указаниям Цинь Бугуя — казалось, стоит только согласиться, и они уже проиграли, опустятся ниже Лоу И, опозорятся.

Да костёр разжечь — не велика наука. Неужели без его советов не справятся?

Думая так, они не трогались с места, лишь собрали в лесу несколько веток.

— Эти шишки ещё не полностью раскрылись, внутри влажно, гореть не будут, — Цинь Бугуй выбрал несколько шишек из рук Бай Цяньюя и выбросил, неспешно добавив:

— Соберите ещё тонких веточек, обязательно полностью сухих.

Лев и компания молча закатили глаза. «Всего лишь ветки, а важничает, будто открыл Америку», — прошипели они про себя.

Цинь Бугуй, казалось, от природы был создан для роли лидера. Незаметно для всех он стал центром группы студентов, собиравших хворост, и спокойно пояснил:

— Не до конца высохшие дрова могут легко потухнуть или взорваться прямо в костре. Если попало такое — сразу выбрасывайте.

Лев взглянул на полувлажные ветки в своих руках, лицо его дёрнулось. Стиснув зубы, он всё же не выбросил их.

Ведь это значило бы признать, что он слушается указаний Лоу И.

Он не хотел подчиняться Цинь Бугую, но у остальных студентов таких предрассудков не было. Они быстро обобрали все подходящие ветки на опушке леса и, радостные, с охапками хвороста окружили Цинь Бугуя, направляясь обратно.

Цинь Бугуй встал в центре поляны, взял шишки, нашёл место подальше от травы и разжёг их. Небрежно подбросив несколько тонких веточек, сложил их пирамидкой.

Работая, он пояснял окружающим:

— Не укладывайте ветки слишком плотно. Перебор так же плох, как и недобор — нужно оставить пространство для воздуха.

Потом повернулся, взял нечто, напоминающее веер, и слегка помахал им над огнём. Пламя быстро перекинулось на веточки, и в мгновение ока костёр весело запылал.

Студенты дружно ахнули от восторга. Цинь Бугуй попросил подкинуть крупных поленьев, и вот уже его костёр готов. Он обвёл взглядом окружающих:

— Всё, этого хватит часов на два. Теперь ваша очередь.

Студенты, потирая руки, разбежались по своим местам — каждому не терпелось попробовать. Многие, уходя, ещё не раз благодарили Цинь Бугуя. По их сияющим лицам было видно, что они получают от этого внеклассного занятия настоящее удовольствие.

Того самого удовольствия, которому Лоу И когда-то мог только безмолвно завидовать, — теперь он касался его вплотную, более того, сам стал частью этой весёлой компании.

Бай Цяньюй с друзьями так увлеклись костром, что даже не поставили палатки. Упускать такого «гуру», как Цинь Бугуй, они не собирались — мигом притащили свои вещи и, улыбаясь во весь рот, принялись упрашивать его помочь.

Они заняли всё свободное пространство вокруг палатки Цинь Бугуя, так что Льву, который собирался подойти и приказать тому поработать на них, и места не осталось — к его ярости и бессилию.

Вчетвером они наконец-то, с огромным трудом, разожгли костёр. Уселись у огня, довольные, отдохнуть — как вдруг раздался треск. Одна из веток неожиданно лопнула пополам. Один осколок остался на месте, другой с силой отлетел в сторону и, пылая, упал прямо на одежду Льва, мгновенно прожжёгши дыру.

Лев вскрикнул и подпрыгнул. Ловко сбив пламя, он, ругаясь, тряся от злости и испуга. В голове невольно всплыли слова Цинь Бугуя: «Влажные дрова могут взорваться прямо в костре».

Его передёрнуло от отвращения, и он снова мысленно взвалил вину на того противного типа, прошипев: «Чёрт!»

Чем дольше он смотрел на безобразную дыру, тем сильнее она его бесила. Лев больше не мог сдерживать ярость, в которой не было выхода. Он достал телефон и набрал родителей Лоу И.

Едва соединение установилось, как по поляне разнёсся истошный крик, выплёскивающий

наружу юношескую ярость, готовую смести всё на своём пути.

Окружающие лишь холодно усмехались, предвкушая, как Лоу И будет оправдываться и униженно просить прощения.

Звонок родителей застал Цинь Бугуя за готовкой.

Продукты, разумеется, предоставили родители Бай Цяньюя. Эти не стеснённые в средствах люди, оплатившие площадку, здание, оборудование и персонал, на такую мелочь, как еда, и внимания не обратили.

В багаже Цинь Бугуя, помимо некоторых дорогих вещей, которые не выглядели бы здесь вызывающе, на самом деле многого не было.

Не то чтобы Лоу И был нерадив и не подготовился как следует, — просто эти вещи, если покупать фирменные, стоили слишком дорого. Например, железная подставка для костра размером с ладонь на четырёх ножках обошлась бы больше чем в тысячу юаней — родителям Лоу И, простым рабочим, такая трата была не по карману. Поэтому Цинь Бугуй и разжёл костёр прямо на земле — вдали от травы это было неопасно.

Покупать же дешёвую подделку было и вовсе невыносимо — эти снобы-родители сочли бы такое унижением, поэтому просто велели сыну обходиться своими силами.

Обычно Лоу И, не видя выхода, с подобострастной улыбкой просил у Льва и Ли Чжужаня разрешения воспользоваться их вещами, а в обмен таскал им сумки и бегал по поручениям.

Подобное случалось так часто, что среди друзей, выросших вместе, Лоу И незаметно занял низшую ступень — его попросту использовали как прислугу.

Теперь же, когда на его месте оказался Цинь Бугуй, ситуация в корне изменилась. Лоу И помогал по принуждению, Цинь Бугуй — по собственной воле. Лоу И суеился для Ли Чжужаня и компании, не получая ни слова благодарности. Цинь Бугуй же, помогая Бай Цяньюю и его друзьям, выслушивал от них весёлые шутки и просьбы, а заодно получал приглашения пользоваться их инструментами.

Их положение и отношение к ним находились на совершенно разных уровнях.

Бай Цяньюю с компанией столпились у стола — кто мыл овощи, кто резал. На полпути они то и дело звали Цинь Бугуя, чтобы он оценил их старания, и самодовольно спрашивали:

— Ну как, у меня хорошо получается?

Цинь Бугуй с каменным лицом смотрел на изорванные в клочья листья салата, и отвращение читалось в каждой его черте.

Но парней это несколько не смущало — напротив, они гордо выпрямились:

— Мы же спортсмены! Силы не рассчитали!

С этими словами они самодовольно похлопали себя по накачанным грудным мышцам, изобразив горделивую мину.

Цинь Бугуй отодвинул их в сторону, сам вымыл овощи и разложил на разделочной доске. Взяв нож, он быстрыми, чёткими, профессиональными движениями нарезал те самые, казалось бы,

безнадёжно испорченные овощи — и они легли ровными, аккуратными ломтиками, словно произведение искусства.

<http://bllate.org/book/16254/1462341>